

Сюэ Сянь в кармане у Сюань Миня уже начинало мутить. Ещё будучи в бумажной оболочке, он почувствовал, что золотая жемчужина под влиянием монаха слегка изменилась. Теперь же, оказавшись внутри неё, он понял: изменения эти вовсе не мелкие!

Сначала ему показалось, будто он окунулся в горячий источник — под ним бил ключ, из которого клубами вырывался пар, окутывая тело приятным теплом.

Но по мере того как вода становилась всё горячее и горячее, дошло до того, что кожу начало жечь, и он наконец осознал: да какой же это источник — чёрт возьми, меня, похоже, собрались сварить в супе из драконьего мяса?!

Увы, поздно было жалеть — выбраться он не мог. Ибо «бульон» этот приобрёл какую-то вязкость, в нём размякли руки-ноги, поднять их было неважно.

В таком состоянии ему стало не до происходящего за пределами потайного кармана, так что что делали Сюань Минь и остальные, кого встретили — всё воспринималось смутно, не говоря уж о том, чтобы вставить слово.

Когда его уже почти сварило, его спасла рука Сюань Миня.

И этот лысый — тоже диковинка: пальцы у него как у всех, даже чуть прохладнее, а в кармане у живота жемчужина раскаляется будто в печи!

Оказавшись в ладони монаха, Сюэ Сянь тяжело вздохнул — наконец-то прохладно.

Температура истинного духа понизилась, и в голове прояснилось.

Он пару раз перекатился по ладони Сюань Миня, слегка остудившись со всех сторон, затем замер и сквозь тонкую жёлтую оболочку жемчужины взглянул наружу.

— Лу Шицзю? — удивился он. — Уже нашли?

Сюань Минь ответил утвердительно.

Сюэ Сянь, с мозгами, вскипевшими до состояния каши, реагировал медленно. Спустя мгновение он лениво протянул:

— А, ну и отлично. Как раз деревянная ветвь при тебе — помоги одного человека отыскать.

Затем он лениво перекатился и сказал Сюань Миню:

— Лысый, плати.

Сюань Минь: «...»

— Потом золотом верну, — лениво буркнул Сюэ Сянь, прищурившись.

Лу Шицзю «посмотрел» в их сторону и сказал Лу Няньци:

— Бери, только лишнего не бери.

Он, хоть и молод — лет семнадцати-восемнадцати, — уже обзавёлся странными привычками. Семейно кормил гаданием, потому за расчёт брал непременно, но сумма была нефиксированной, лишь количество устанавливал. Золото, серебро, медь — как пожелаешь. Захочешь отдать

медяки — три монеты. Захочешь серебро — три кусочка. Взбредёт в голову золотом платить — опять же три крупички.

Сюэ Сянь как раз был из тех, кому «взбрело» — каждый раз за гадание отдавал по три золотых жемчужинки.

Лу Няньци честно взял у Сюань Миня три серебряных обломка, хотел сунуть их Лу Шицзю в карман, но тот остановил:

— Халат мой потрёпан, пока у себя держи. Только не прикармань.

— Я что, вор?! — нахмурился Лу Няньци.

Лу Шицзю проигнорировал его и обратился к Сюань Миню:

— Что требуется вычислить?

Сюань Минь протянул ему золотую жемчужину.

Сюэ Сянь сказал:

— Вот эта жемчужина. Сделай милость, подсчитай, где ныне пребывают те, в чьих руках она побывала.

Лу Шицзю не взял жемчужину в руки, а просто присел на корточки, ощупывая обмотанную красной верёвкой деревянную ветвь, устремил взгляд на жемчужину и, водя ветвью по земле, начал медленно двигать ею.

Цзян Шинин, понаблюдав, понял: не Лу Шицзю водил ветвью по земле, а та двигалась сама, его пальцы лишь слегка её касались. Он какое-то время следил за ветвью, пока та не вывела на земле несколько пересекающихся линий и разбросанных точек.

Когда ветвь с лёгким стуком упала набок, Лу Шицзю нахмурился и поднял её.

Он водил пальцами по оставленным следам, полуприкрыв глаза, губы беззвучно шевелились — видимо, что-то высчитывал про себя.

Спустя мгновение он поднял взгляд на жемчужину в руке Сюань Миня и сказал в сторону Сюэ Сяня:

— Странно. Удаётся определить местонахождение лишь четверых. Ещё один почему-то не выходит, будто и не существует вовсе.

Сюэ Сянь помолчал, затем сказал:

— Всего пятеро? Ладно, скажи про тех четверых, что вышли.

— Хорошо, — кивнул Лу Шицзю. — Первый — рыбак. Второй — тот, кого не вычислил. Третий — маг. Четвёртый — из управленцев, фамилия Лю. Пятый — вот этот мастер.

Сюэ Сянь: «...» Да я и без гадания знал, что их четверо.

— А где они сейчас? — спросил он.

Лу Шицзю, водя пальцами по земле, неспешно ответил:

— Рыбак ныне в управе Аньцин, по ту сторону реки. С ним встретитесь. Маг в Шу, на горе Панлун, в Небесной расселине, в пещере Малого Дракона, в уединении пребывает. Советник Лю...

Он провёл пальцами по земле, слегка нахмурился, затем вновь расслабился, лицо попрежнему бесстрастное:

— Советник Лю прошлой ночью попал в пожар, до конца дня не дотянет. Про мастера и говорить нечего.

Перечислив всё, он убрал руку и взглянул на Сюэ Сяня.

— Советник Лю не дотянет до конца дня? — изумился Цзян Шинин.

Тогда, в усадьбе Лю, слыша, как старуха Лю говорила, что долги непременно возвращаются, он не думал, что советник Лю в самом деле расплатится, и уж тем более не ожидал, что так скоро.

Лу Шицзю, услышав, снова поднял руку, поводит по земле и сказал:

— Да, точно не дотянет. Сейчас лежит в боковой комнате.

Семья Цзянов сгорела в пожаре, после смерти супругов Цзян истолкли в тушь, наверняка тоже прошли через масло и огонь. Дурак Лю Чун день-деньской жил в боковой комнате под сенью иньской энергии, годами высасывали из него удачу, чуть жизнь не кончилась.

Теперь же срок советника Лю и вправду подошёл к концу — умрёт от огня, в боковой комнате глаза закроет... В самом деле, долги возвращаются.

Лу Шицзю взглянул на Сюэ Сяня:

— Ещё вопросы есть?

Сюэ Сянь покачал головой, и жемчужина покатилаь:

— Всё, что надо, уже знаю.

Лу Шицзю посмотрел на остальных:

— А вы?

Услышав это, Сюань Минь сжал ладонь и снова убрал Сюэ Сяня в потайной карман. Когда жемчужина соскользнула с его чуть прохладных пальцев, Сюэ Сянь подумал: «Вот если бы руки были, хоть немного бы задержался».

Увы, жемчужина круглая, без задержки скатилась на дно, и Сюэ Сяню снова пришлось вариться в своём драконьем бульоне.

Освободившись от жемчужины, Сюань Минь достал из-за пазухи сложенный тонкий листок.

Тот самый, что он разворачивал в покое постоянного двора Гуйюнь. На бумаге было записано множество вещей: иероглифы, а кое-где даже схематичные рисунки; некоторые записи были небрежными, торопливыми, другие же — аккуратными столбцами.

Передавая листок Лу Шицзю, он не развернул его, но по свободному уголку можно было разглядеть два иероглифа в начале: «Искать человека».

Сюань Минь твёрдо произнёс:

— Желая знать, кто оставил эту бумагу. Прошу.

Лу Няньци по-прежнему честно взял с Сюань Миня три серебряных обломка. Лу Шицзю, глядя на тонкую бумагу, одной рукой водил ветвью по земле.

Сюэ Сянь, вновь оказавшись в потайном кармане, пока мозги ещё не окончательно сварились, наострил уши, прислушиваясь к происходящему снаружи.

Спустя мгновение, когда он уже снова начал погружаться в кашеобразное состояние, до него донёлся неясный голос Лу Шицзю:

— Ты сам.

Сюэ Сянь: «...»

Сам оставил бумагу, а потом пришёл гадать, кто её оставил — это уже болезнь какая-то. Он вдруг вспомнил, как Цзян Шинин говорил, что от Сюань Миня пахнет снадобьями, похожими на те, что лечат от потери души.

Неужели этот лысый и вправду потерял память? Но как же тогда он так ловко притворяется нормальным?

Не только Сюэ Сянь, но и стоявший рядом Цзян Шинин, и даже Лу Няньци не могли скрыть странного выражения на лицах, глядя на Сюань Миня.

Впрочем, Цзян Шинин тут же счёл такие взгляды невежливыми и поспешил опустить глаза, уставившись в нос, заткнув рот и успокоив сердце.

Сюань Минь и не взглянул на них, будто вовсе не замечал этих взглядов. Не меняясь в лице, всё так же спокойно он спросил Лу Шицзю:

— Уверен, что через чужие руки не проходила?

Лу Шицзю поводил пальцами по земле, перепроверил, затем кивнул:

— Не проходила.

<http://bllate.org/book/16289/1467909>